

Вторая часть (стр. 192—342) делится на восемь глав, каждая из которых посвящена определенному району острова. Глава 1 — «Коломбо — ворота Цейлона» — возвышение восточного города на перекрестке между Востоком и Западом» (стр. 192—209); глава 2 — «Побережье кокосовых пальм на юго-западе» (стр. 210—230); глава 3 — «Старый юг: Галле и Хинтерланд» (стр. 231—242); глава 4 — «Горный район Сабарагамувы: каучуковые плантации и месторождения драгоценных камней у подножия пика Адама» (стр. 243—254); глава 5 — «Феодално-крестьянская традиция и плантационное хозяйство, связанное с экспортом, в горных районах Канди» (стр. 255—280); глава 6 — «Горный район чайных плантаций» (стр. 281—294); глава 7 — «Тамильский садоводческий район на полуострове Джафна; мост в Индию» (стр. 295—314); и последняя 8 глава — «Старые и новые пахотные земли в засушливой зоне саванн; районы искусственного орошения» (стр. 315—342).

В целом вторая часть написана на очень высоком научном уровне, с привлечением большого количества официальных источников. Хотя, на наш взгляд, в некоторых случаях деление на географические районы несколько условно. Почему, например, 2 глава называется «Побережье кокосовых пальм на юго-западе»? Побережье кокосовых пальм, или, как чаще говорят, «кокосовый пояс» доходит на севере вплоть до Путталама. Главу надо было назвать, по-видимому, «Побережье кокосовых пальм запада и юго-запада».

Вызывает у меня возражение наименование и разбивка материалов между главами третьей и четвертой («Старый юг: Галле и Хинтерланд» и «Горный район Сабарагамувы: каучуковые плантации и месторождения драгоценных камней у подножия пика Адама»). Во-первых, подножье гор — это не горы. В основном все разработки драгоценных камней ведутся в округе Ратнапура, который можно отчасти условно назвать холмистым, но не горным. Этот округ, кстати, входит в провинцию Сабарагамува. Во-вторых, самыми благоприятными для каучуконосов оказались пологие склоны холмов юго-западной влажной зоны, примыкающие к Центральному нагорью (но не гор!). Это главным образом долина р. Келани, округа Ратнапура, Кегалла и Калутара. Основные плантации лежат на высоте 300—600 м над уровнем моря. Это далеко не горные районы. Таким образом, если говорить о Хинтерланде, то в этот район надо включать и провинцию Сабарагамува.

Нельзя также, на мой взгляд, разделять пятую и шестую главы («Феодално-крестьянская традиция и плантационное хозяйство, связанное с экспортом, в горных районах Канди» и «Горный район чайных плантаций»). Здесь автор невольно повторяется, и это вполне естественно, так как именно в горных районах Канди мы наблюдаем любопытнейшую вещь, где сожительствуют рядом сельские общины кандийцев, в которых сохранилось много архаичного, и капиталистические плантационные хозяйства, в которые волею судеб постепенно втягиваются крестьяне окружающих сингальских деревень. Поэтому само название «феодално-крестьянская традиция» звучит несколько искусственно. Автору следовало бы показать на этом примере взаимоотношения крестьян-сингалов, которые нанимаются на сезонные работы на плантации, с сельскохозяйственными рабочими-индийцами (кули), постоянно живущими на плантациях в очень тяжелых условиях, а также проникновение капиталистических отношений в традиционную кандийскую сельскую общину.

Но надо подчеркнуть, что это деление природно-географических районов, которое предложила автор, в значительной мере являясь субъективным, никоим образом не снижает самой ценности данной части.

А. Сиверс убедительно показала, как экологические условия влияют на формирование материальной и духовной культуры населения. Поэтому для этнографов представляют несомненный интерес сведения о тех или иных особенностях в социальной организации внутри сельской общины, возникающих в результате специфических природных условий.

Книга А. Сиверс, несомненно, является серьезным вкладом в дело изучения Цейлона.

В. Кочнев

НАРОДЫ АФРИКИ

М. В. Райт. *Народы Эфиопии*. М., 1965, 259 стр.

Советская африканистика за последние годы достигла заметных успехов. Все больше появляется исследований, посвященных многочисленным проблемам этой науки. Обращает на себя внимание вышедшая в 1965 г. монография М. В. Райт — «Народы Эфиопии», в которой рассматриваются различные историко-этнографические вопросы современной Эфиопии. Особую ценность работе придает то, что автор использовал не только обширные опубликованные материалы на европейских языках, но и привлек источники

на амхарском языке. Это очень существенно, так как большинство ученых из-за незнания амхарского языка не обращается к трудам, изданным в самой Эфиопии. Кроме того, автор использовал и свои полевые материалы, собранные во время научной командировки в Эфиопию (ноябрь 1958—февраль 1959 г.). Таким образом, читатель получил серьезный научный труд.

Монография «Народы Эфиопии», помимо введения и заключения, распадается на пять глав («Этнический состав», «Хозяйство и материальная культура», «Общественные и семейные отношения», «Верования и обряды», «Некоторые вопросы современной духовной культуры»). В конце книги приведена обширная библиография (более 300 названий), а также указатели географических и этнических названий. Заслуживает одобрения помещенный в монографии глоссарий — словарь местных терминов, встречающихся в тексте. Это тем более ценно, что в нем отмечены не только слова амхарского языка, но и других языков Эфиопии.

Центральное место в книге принадлежит вопросу становления эфиопской нации. Проникновение товарно-денежных отношений во все сферы жизни страны, а также дальнейшее углубление этого процесса создают ту реальную основу, на которой формируется национальная общность народов Эфиопии. В результате социально-экономического развития страны стираются грани между различными этно-лингвистическими группами населения. Претворение в жизнь планов развития народного хозяйства (строительство промышленных предприятий, прокладка дорог, проведение телефонно-телеграфных линий, развитие транспорта и т. д.) способствуют налаживанию и укреплению связей с отдаленными районами страны, а также образованию общезфиопского рынка. Это, в свою очередь, цементирует экономическую общность населения Эфиопии. А отсюда и побочные явления, связанные со смешанными браками, взаимообменом культурными ценностями, трудовыми навыками и т. д. Конечно, эти процессы, с другой стороны, сами ускоряют стирание этнических различий и тем самым содействуют трансформации отдельных групп в национальную общность. Наиболее интенсивно национальная консолидация протекает «среди населения Центральной Эфиопии, и в первую очередь в придорожных поселках и небольших торговых городках Эфиопии» (стр. 230). Составными этническими элементами такого процесса являются амхара, гураге, галла провинций Шоа, Уолло, Каффа и другие. Языковой барьер при становлении эфиопской нации преодолевается через амхарский язык (государственный язык Эфиопии). Указывая на то, что многие жители Эфиопии, и прежде всего в центральных и северных районах, называют себя «эфиопами», а затем уже уточняют свою этническую принадлежность, М. В. Райт делает весьма интересный вывод. Она пишет, что «термин „эфиопы“... отражает те сложные этнические процессы, которые происходят в настоящее время на территории Эфиопии, процессы, связанные с консолидацией эфиопской нации» (стр. 231). К сожалению, автор не отмечает тенденции, противодействующей формированию эфиопской нации. Такой противоборствующей силой является возникшая в недавнее время склонность, по выражению эфиопского ученого Гирма Амаре, к «племенной гордости»¹. «Несколько лет назад...» отмечает Гирма Амаре, «в Эфиопии практически не слышно было, чтобы индивидuum объявлял публично или в частном разговоре, что он — галла, уоламо или гураге. Стыдно было говорить на языке другом, кроме амхарского, каждый, по общему мнению, был амхара. Это сейчас совершенно меняется. Гураге и уоламо уже не стыдятся заявить, что они не амхара. При этих обстоятельствах люди стали обидчивы, когда они чувствуют, что одна группа пытается доминировать над ними посредством наложения господствующего языка и культуры»². Появление такой тенденции в Эфиопии, естественно, затруднит процесс формирования эфиопской нации, но на конечный его результат не окажет решающего влияния.

При рассмотрении этнического состава автор приводит новые данные о расселении различных этно-лингвистических групп страны. Достоверность этих сведений очевидна. Вызывает особый интерес размещение самой крупной народности страны — амхара. В настоящее время амхара проживают не только в Шоа, Годжаме, Бэгемдыре (основные районы обитания), но и в Уолло, Аруссин, Каффа, Уоллэга, Хараре и Сидаме. Многочисленных представителей народности тигран можно встретить как в провинциях Тигре и Эритрея (основные районы обитания), так и в провинциях Уолло и Бэгемдыре. В настоящее время тигран переселяются из засушливых районов провинции Тигре и южных областей Эритреи на плодородное Гондарское плато; тем самым расширяется область их расселения.

Пожалуй, автору книги нужно было бы указать, что этническая карта Эфиопии изменяется также и в результате переселений, специально осуществляемых правительством для улучшения социально-экономического положения крестьянства. Так, с недавнего времени в государственном порядке из густонаселенных центральных районов страны некоторая часть крестьян стала перебираться на жительство в провинцию Каф-

¹ Girma A m a r e, Memorization in Ethiopian Schools, «Journal of Ethiopian Studies», vol. 1, № 1, January 1963, стр. 30.

² Там же.

фа. Правительство выделило им там земельные участки³. Таким образом, многих представителей этнических групп Центральной Эфиопии (амхара, галла-тулама, гураге и др.) можно встретить на просторах провинции Каффа, где раньше эти народы не селились.

Вызывает некоторое недоумение положение автора о трудности выделения в стране преобладающей национальности среди иностранцев. На наш взгляд, таковыми являются итальянцы. Предполагают, что их проживает в Эфиопии около 20 тысяч. Смешанные браки между итальянцами и эфиопами довольно распространены. По мнению Мусто, итальянцы Эфиопии через одно — два поколения станут эфиопами как по происхождению, так и по образу мышления⁴.

Очень интересны странички, освещающие вопросы материальной культуры и хозяйственной деятельности населения Эфиопии. Основной сферой материального производства страны является сельское хозяйство, в котором занято около 90% всех жителей. «Эфиопия — страна древней земледельческой культуры», — пишет М. В. Райт (стр. 29). На ее территории распространены террасное земледелие с искусственным орошением и обработка земли с помощью пахотного орудия «марэша» и одновременным использованием крупного рогатого скота. Крестьяне употребляют подсеčno-переложную и двупольную системы земледелия, а также применяют севооборот. К достоинствам работы М. В. Райт относится и то, что в ней не только перечисляются и описываются виды земледельческой деятельности в эфиопской деревне, но и указывается, где и у какой этнической группы развит данный тип земледелия. Например, жителям Шоа, Бэгемадыра, Уолло, Харара, Тигре, приозерной части Гэму-Гофа известна техника террасного земледелия с искусственным орошением. В частности гидроле в Гэму-Гофа в центре террасы для сохранения воды воздвигают из камней чашеобразное сооружение. В книге приводится обстоятельное описание процесса обработки земли, сева и устройства пахотного орудия «марэша». Теф, дурра, кукуруза, пшеница, горох — вот далеко не полный перечень сельскохозяйственных культур, выращиваемых эфиопскими крестьянами. Особое место в экономике страны принадлежит кофе, экспорт которого составляет 53—60% общей стоимости вывозимых из Эфиопии товаров.

В народном хозяйстве страны большое значение принадлежит также животноводству. На пастбищах страны пасется около 25 млн. голов крупного рогатого скота, приблизительно 22,5 млн. овец и т. д. По общему мнению, Эфиопия занимает одно из первых мест в мире по количеству скота на душу населения (примерная численность населения страны 22 млн. человек). Методы ведения животноводческого хозяйства едины в целом по стране. Естественно, имеются навыки, свойственные лишь одной или нескольким этническим группам. В настоящее время амхара, галла Шоа, Уоллэги и Уолло, тиграи, сидамы и другие ведут земледельческо-скотоводческое хозяйство.

Большое место в монографии отведено рассмотрению традиционных ремесел в Эфиопии, которые играют немаловажную роль в экономике страны. Правительство содействует развитию ремесел. По инициативе государства создаются специальные школы, в которых обучают исконно эфиопским ремеслам: ткачеству, гончарству, плетению, кузнечному делу и др. В результате принятых мер ремесленное производство оживляется.

Впервые в советской литературе так подробно и полно освещены национальная пища, одежда и жилища народов Эфиопии. Показательно, что М. В. Райт всюду проводит грань между богатыми, зажиточными и бедными слоями населения. Тем самым подчеркивается все углубляющийся процесс классовой дифференциации эфиопского общества. Вместе с тем она отмечает и новые явления, которые не были присущи эфиопам в недалеком прошлом. Так, население страны, большей частью в городах, стало есть рыбу (особенно в постные дни), ранее игнорируемую как продукт питания. Рассматривая характер поселений, автор отмечает, что сейчас беспорядочное размещение жилищ в придорожных поселках и городках уступает место уличному типу поселений. Основываясь на наших наблюдениях в Эфиопии в 1963 г., мы можем отметить, что в некоторых придорожных поселках имеется лишь одна улица — проходящая через поселок дорога, а в глубине — жилища располагаются беспорядочно. Примером может служить поселок Карокоро, по дороге Аддис-Абеба — Асмара.

Для общественного строя Эфиопии характерно переплетение феодальных отношений с остатками родо-племенного строя и элементами развивающегося капитализма. Социально-экономический прогресс страны во многом зависит от форм землевладения и землепользования. Характер земельных отношений накладывает заметный отпечаток на внутреннюю политику государства и на расстановку классовых сил в Эфиопии. Вся земля номинально принадлежит императору. Фактически же имеется четыре типа землевладения: земли императора или государства, земельная собственность отдельных лиц (феодалы и некоторая часть крестьянства), земли церкви и общинные земли. Правитель-

³ И. И. Потехин, *Земельные отношения в странах Африки*, «Народы Азии и Африки», 1962, № 3, стр. 30.

⁴ W. E. Mustoe, *Modern Ethiopia*, «African Affairs», vol. 61, № 244, July 1962, стр. 222.

ство страны предпринимает ряд мер для усовершенствования и упорядочения земельных отношений. 18 сентября 1959 г. был провозглашен проект земельной реформы, для проведения которой в 1960 г. в стране создали специальный комитет. На претворение в жизнь реформы государство выделило 5 млн. эф. долл. Землю должны получить мало-земельные и безземельные крестьяне. Предполагается также облегчить сбыт сельскохозяйственной продукции. Следует отметить, что при исследовании вопроса о земельных отношениях, автор обращается к работам русских путешественников А. К. Булатовича и Н. П. Бровцына, ценные сведения которых были незаслуженно забыты.

В монографии затрагиваются также вопросы формирования национальной буржуазии и рабочего класса. М. В. Райт пишет, что процесс становления эфиопской буржуазии в настоящее время охватил и сферу промышленности. Однако надо бы отметить, что политика государства сводится к поощрению развития местного частного капитала. Даже созданный в Эфиопии государственный сектор «следует рассматривать как особый метод правительства в деле помощи национальной буржуазии»⁵. В обрабатывающей и горнодобывающей промышленности занято свыше 30 тыс. человек. Пролетариат Эфиопии борется за свои интересы и добился ряда успехов: в октябре 1962 г. впервые в стране изданы законы о трудовых отношениях и трудоустройстве, разрешено организовывать профсоюзы. Говоря о классовой борьбе эфиопского пролетариата, автор не указывает, что в 1963 г. создано «Объединение профсоюзов Эфиопии», поставившее перед собой следующие цели: улучшить материальное и социальное положение рабочих и оказывать содействие и помощь работающим и безработным, а также добиться лучших условий жизни рабочим не только у себя на родине, но и во всем мире⁶. На формирование общественного мнения оказывает заметное влияние новая эфиопская интеллигенция, получившая образование как внутри страны, так и за границей.

Много места в монографии (стр. 158—177) уделено описанию семьи и свадебной обрядности. Речь главным образом идет о семье крестьянской, новшества же в городе упоминаются мимоходом. Так, автор ничего не говорит о том, что ныне в городах, в среде состоятельных эфиопов, молодых возят на машинах, украшенных гирляндами цветов. Число машин, следующих за головной, где сидят жених и невеста, зависит от размера богатства родителей новобрачных и от круга их друзей и знакомых. В Аддис-Абебе можно наблюдать картину, когда до двадцати машин вереницей тянутся по улицам столицы. В книге рассматриваются также родильные и погребальные обряды. Любопытно наблюдение автора о том, что многие родильные обряды, бытующие у различных этнических групп Эфиопии, свойственны и другим народам мира. В качестве примера можно упомянуть сходство эфиопских родильных обрядов с аналогичными обрядами язгулемцев. При родах просят всех присутствующих в доме распустить пояса или узлы на одежде, а при затыгивании родов дают выпить роженице освященную священником воду и т. д. Обряды погребения у населения Эфиопии различаются в зависимости от религиозной принадлежности. В стране встречаются монофизитское христианство, ислам, иудаизм, а также различные языческие верования. Государственной религией является монофизитское христианство, число приверженцев которого составляет примерно 70% населения⁷. В результате деятельности иностранных миссий в стране имеются и христиане иных толков (протестанты, адвентисты седьмого дня и др.). Эфиопское христианство впитало в себя много элементов ислама, иудаизма и паганизма. Так, языческие боги у христиан трансформировались в богов второго разряда, добрых и злых духов. Ярким примером такого синкретизма может служить культ зеров — вера в злых духов. Среди христиан, мусульман и иудеев-фалаша Эфиопии широко распространена вера в магические заклинания, и это — несмотря на запреты соответствующих религий.

Церковь оказывает сильное влияние на духовную культуру народов Эфиопии. Однако, как справедливо замечает М. В. Райт, «было бы неправильно преувеличивать это влияние, но нельзя его и недооценивать» (стр. 199). Церковь играла ведущую роль в образовании. Лишь с открытием светских школ в начале XX в. и расширением сети государственных учебных заведений со второй половины нашего столетия церковь утратила свое главенствующее положение. Эта мысль в книге, к сожалению, недостаточно аргументирована. При сопоставлении числа правительственных школ (по данным, приведенным в работе, — 1100) и церковно-приходских (численность их М. В. Райт не указывает; по данным эфиопского правительства их было в 1960 г. более 7 тыс.⁸) может создаться неправильное представление о том, что светское образование уступает цер-

⁵ «Экономическое положение стран Азии и Африки в 1961 году», М., 1963, стр. 593.

⁶ «Езаренту Итиопия», *Нэхасе* 11, 1955 (по эфиопскому летоисчислению) (на амхарском яз.).

⁷ По утверждению некоторых исследователей, эта цифра завышена. По их подсчетам, приверженцы эфиопской ортодоксальной церкви составляют 35% населения, мусульмане — 35%, язычники — 25%, прочих вероисповеданий — 5%. См. G. A. Lipsky, *Ethiopia: its people, its society its culture*. By Lipsky G. A. in collab. with W. Blanchard, A. M. Hirsch, B. C. Maday, New Haven, 1962, стр. 100—101.

⁸ «Ethiopia. Facts and Figures», Addis Ababa, 1960, стр. 18.

ковному. Это не так. Обучение в правительственных школах завоевало прочные позиции в стране. Оно стало весомей, чем церковное, потому что отвечает запросам современного развития Эфиопии.

Правительство Эфиопии предпринимает ряд мер по развитию просвещения в стране и улучшению самого процесса образования. Автор монографии довольно подробно излагает проведенные в этой области мероприятия. Требуется только уточнить некоторые стороны школьной реформы 1963 г. Теперь в начальных школах обучаются 6 лет. Преподавание в них ведется на амхарском языке. В школах второй ступени (от 7-го класса до 12-го) уроки ведутся на английском языке. Предполагается в недалеком будущем и в школах второй ступени ввести преподавание на амхарском языке⁹.

В стране ощущается острая нехватка учителей и учебных пособий. По данным на 1964 г. во всех государственных школах насчитывалось 9159 учителей (они обучали 304 138 учеников)¹⁰. Все это сдерживает развитие школьного образования. Только 4% детей школьного возраста в провинциях посещают школы, а в столице — 37%. Такое положение не может не тревожить эфиопскую общественность.

Характеризуя современное состояние духовной культуры Эфиопии, автор отмечает, что в стране «происходит процесс создания национальной эфиопской культуры, впитывающей элементы культуры различных народов Центральной Эфиопии» (стр. 231). Определенное воздействие на литературу, искусство и музыку страны оказывает мировая культура. Несомненно, оказывает влияние и русская и советская культура; на амхарский язык переведены произведения А. С. Пушкина, К. М. Станюковича, М. А. Шолохова, Б. А. Лавренева и др. Некоторые из этих переводов принадлежат большому другу Советского Союза поэту Тоханнесу Гэбрэ Марьяму (умер в 1964 г.), чьей памяти и посвящена рецензируемая книга.

Попутно мы уже отмечали незначительные недочеты книги. Следует указать также отдельные неточности, имеющиеся в работе. Так, на стр. 179 М. В. Райт замечает, что местопребыванием патриарха коптской церкви до сих пор является г. Александрия. В действительности же с XI в. резиденцией патриарха стал город Канр¹¹.

Однако эти не очень существенные замечания к работе М. В. Райт не снижают ценности ее труда. Большим достоинством книги является также и то, что она написана хорошим языком и читается легко. Выход в свет монографии М. В. Райт «Народы Эфиопии» — значительное явление в советской африканистике.

В. Ягья

⁹ «Мэнэн» (на амхарском яз.), № 6, 1964, стр. 12.

¹⁰ Там же.

¹¹ Ливну С т а н, Новый Патриархат — церковь Эфиопии, «Журнал Московской патриархии», 1961, апрель, № 4, стр. 61.